

Глава 1222. Чиновники собираются на улицах!

- Старый предок, подождите минутку. Ваше тело не такое, как прежде. Позвольте нам поддержать вас!

Старик только начал двигаться, и выбежали двое молодых людей с покрытыми потом лицами. Они хотели поддержать старика, но тот их быстро оттолкнул.

- Хахаха, кого это волнует, если мое тело не то, что было раньше? Сегодня герой моего Великого Тана возвращается с победой! Даже если бы этот старик был инвалидом в обеих ногах, я все равно ждал бы его возвращения!

Старик от души смеялся, как ребенок, и его борода дрожала.

Сердце Ван Чуна стало горячим, когда он увидел эту фигуру, и толстый слой льда на нем сразу же растаял. Он поспешно подошел, чтобы поприветствовать старика.

- Достопочтенный старший Дуань, младший не заслуживает таких слов от вас. Позвольте мне поддержать старшего.

Ван Чун подошел и быстро взял старика под руку. Немногие люди столь чрезвычайно преклонного возраста могли заслужить такое уважение со стороны Ван Чуна, и это был не кто иной, как страстный, беспристрастный и неподкупный Императорский Цензор Дуань Цао.

После того, как Ван Чун вернулся победителем после войны на юго-западе, многие пытались напасть на Ван Чуна и осудить его, потому что у него не было никакой официальной позиции в армии. Лидером этой фракции был Дуань Цянь клана Дуань. В то время никто не ожидал, что пожилой Императорский Цензор Дуань Цао клана Дуань лично явится и поставит праведность выше семьи, дав Дуань Цяню пощечину. Таким образом, он сгладил путь Ван Чуна к тому, чтобы в итоге получить титул Юного Маркиза.

У каждого было свое мнение о правильном и неправильном, прямом и кривом. Для досточтимого императорского цензора, правильное было правильно, а неправильное - неправильно. Даже если это был член его собственного клана, который сделал ошибку, он не проявил бы жалости. Это была одна из причин, по которой Ван Чун так глубоко восхищался и уважал его.

Ван Чун не ожидал, что Императорский Цензор Дуань Цао выйдет, чтобы поприветствовать его у городских ворот.

- Хахаха, Ван Чун, дитя, это дискриминация. У этого старика столько же лет, сколько у старика Дуаня. Давай, поддержи меня тоже.

Другой пожилой голос донесся сзади, и Ван Чун повернул голову, чтобы увидеть, что к нему шагает пожилой седовласый мужчина.

- Достопочтенный старший Дэн!

Ван Чун широко улыбнулся, и сделал еще один шаг вперед, чтобы помочь одновременно и Императорскому Цензору Дуань Цао, и Императорскому Цензору Дэн Чану.

Дэн Чан и Дуань Цао оба были очень старыми, и оба они были старыми чиновниками, которые служили предыдущему Императору. Они потратили всю свою жизнь, будучи честными и откровенными, благодаря чему заслужили невероятный престиж при дворе, и они также оказали большую помощь Ван Чуну.

У Ван Чуна было глубокое уважение к этой паре.

Когда два старых Императорских Цензора поставили Ван Чуна в довольно неловкую ситуацию, раздался голос сзади.

- Вы, двое стариков, оба такие пожилые, и все же вы создаете много проблем для этого юного младшего. В этой западной кампании ребенок едва не умер на линии фронта. Как вы можете причинить ему столько неприятностей? Старый Императорский Цензор Лу Цзи посмотрел на эту пару и покачал головой.

Всего за несколько минут в этом месте собрались три выдающихся и почтенных Императорских Цензора Великой Империи Тан. Только когда они увидели Императорского Цензора Лу Цзи, Дуань Цао и Дэн Чан отложили свои улыбки и стали серьезными.

- Ван Чун, мы, старики, просто дразнили тебя. В битве при Таласе мы не разочаровались в смелости и престиже Великого Тана. Что бы ни думали о тебе другие, старый Дуань Цао будет помнить тебя! Поскольку мой Великий Тан имеет такого ребенка, как ты, это наполняет этих стариков гордостью. Если появится еще какой-нибудь негодяй или младший, который осмелится спровоцировать тебя или выступить против тебя, Дуань Цао его изгонит! - строго сказал Дуань Цао. Хотя он произносил эти слова Ван Чуну, когда он говорил, он злобно глядел на толпу чиновников позади себя.

- Именно! - Дэн Чан энергично кивнул. - Заслуги будут вознаграждены, а ошибки будут наказаны. Великий Тан никогда не забудет тех, кто оказал услугу людям и стране. Независимо от того, что другие думают о тебе, я, Дэн Чан, придерживаюсь той же точки зрения, что и Старик Дуань, и всегда буду тебя поддерживать. Молодой человек, никогда не унывай!

Когда старый императорский цензор сказал эти слова, он яростно похлопал Ван Чуна по плечу.

- Ха-ха, ты можешь считать, что эти слова сказал и я!

Императорский цензор Лу Цзи погладил бороду и улыбнулся.

Ван Чун был глубоко тронут, глядя на этих седовласых стариков. Теперь он понял, почему эти трое появились.

- Досточтимые старшие, спасибо! – искренне сказал Ван Чун. - Ван Чун не верит, что он оказал какую-то большую услугу, но Ван Чун навсегда запомнит слова, сказанные сегодня досточтимыми пожилыми людьми. Несмотря ни на что, я никогда не буду разочарован, никогда не потеряю надежды.

- Ха-ха, хорошо! Этих слов от тебя достаточно! Они стоили того, чтобы мы, трое стариков, опозорились у городских ворот, выставив напоказ наш век!

Трое императорских цензоров погладили свои бороды с облегченными выражениями на лицах.

В царствование предыдущего Императора эти три почтенных императорских цензора были известны во всей империи как честные, бесстрашные и праведные! В эту бурную эпоху все трое оставались такими же, используя свои собственные тела, чтобы поддерживать небо и поднимать настроение Великого Тана. Их влияние чувствовалось даже сейчас.

Почти никто в мире не мог удовлетворить суровые глаза этого трио, ни в прошлую эпоху, ни в эту. В настоящее время... таковым был только Ван Чун!

Именно из-за этого эти трое не могли позволить кому-либо нанести ущерб Ван Чуну.

Они появились здесь и разыграли эту сцену перед толпой, несмотря на свой преклонный возраст, чтобы защитить Ван Чуна.

Слова этих трех престарелых императорских цензоров заставили многих людей побледнеть и поморщиться.

Вдруг ясный и яркий голос захватил всеобщее внимание.

- Достопочтенные Императорские цензоры, хотя я не возражаю против того, чтобы вы занимали так много времени у Молодого Маркиза, пожалуйста, посмотрите назад. Молодой Маркиз наконец вернулся победителем, и почти все высокопоставленные чиновники и знатные сановники вышли, чтобы приветствовать его. Вы не позволите им даже выразить свое уважение?

Ван Чун оглянулся и увидел, что это был ученый и утонченный старик, одетый в лазурную мантию. Он держал кисть в одной руке и лист бумаги в другой. Когда он вышел из толпы, он использовал свою тонкую кисть, чтобы писать на бумаге.

Этот старик был не так стар, как Дуань Цао, Дэн Чан или Лу Цзи, но ему было, по крайней мере, за семьдесят. Ван Чун не думал, что он когда-либо встречал его раньше, но его одежда, повадки и кисть и бумага, которые он держал, заставили Ван Чуна думать только об одном человеке.

Великий Писец Ян Вэньчжан!

Клан Ян отвечал за написание книг по истории в течение нескольких поколений, и независимо от того, как изменилась эпоха, они сохраняли одну и ту же позицию. Клан Ян редко рождал каких-либо крупных чиновников, но на пост Великого Писца редко можно было найти более квалифицированного кандидата, чем из клана Ян. Именно по этой причине, после создания новой династии, новый государь посетит клан Ян, чтобы выбрать себе Великого Писца.

- Маленький Ян, даже если мы займём его весь день, что ты будешь с этим делать?

Могучий Великий Писец Ян Вэньчжан держал в руках не оружие, а кисть, но все чиновники смотрели на него с некоторым опасением. В конце концов, ученому не нужно было использовать меч, чтобы убивать. Однако для Дуань Цао, Дэн Чана и Лу Цзи он был просто «Маленьким Яном». Но, несмотря на то, что они это сказали, они все же отступили в сторону.

Они завершили свою миссию, поэтому не было необходимости сдерживать толпу.

- Молодой Маркиз!

Ян Вэньчжан вышел вперед, и с блестящими глазами посмотрел на Ван Чуна.

- Хотя этот старик всегда был против войны, на этот раз вы действительно оказали огромную услугу. Будьте спокойны. Я запишу ваши дела в летописях, чтобы они могли быть переданы будущим поколениям!

Крики удивления пришли из толпы. Получить похвалу Великого Писца и быть записанным в анналы истории - это то, о чем мечтали бесчисленные министры и генералы всю свою жизнь. Одни только эти слова означали, что все жертвы, принесенные Ван Чуном в западной экспедиции, не были напрасными.

- Сэр Ян, есть одна вещь, в которой вы, возможно, ошиблись!

Ван Чун посмотрел на Янь Вэньчжана и сказал нечто совершенно неожиданное.

- Ван Чун шел в далекий Талас, сражался с арабами, продвигался в Хорасан и угрожал арабской столице Багдаду не для того, чтобы оставить доброе имя в учебниках истории.

Бузз!

Великий Писец был ошеломлен этими словами, и все стали неподвижно. Даже Дуань Цао, Дэн Чан и Лу Цзи были удивлены. Что касается огромной толпы чиновников, генералов и дворян, то все они потеряли дар речи.

Даже самый грозный полководец не мог противостоять рту ученого. Помимо славы и долга, генерал на грани смерти в надежде оставить свое имя в учебниках истории, которым будут восхищаться грядущие поколения. Это превышало любую другую заслугу, которую они могли бы достичь.

Великий писец имел уникальный статус и был уважаем как официальными лицами, так и генералами именно благодаря этому. Но перед столь многими важными вопросами Ван Чун заявил, что ему все равно.

то ошеломило каждого.

- Молодой Маркиз, прости этого старика за вопрос, но чего хочет Молодой Маркиз? - сказал Ян Вэньчжан с любопытством в глазах.

- Чтобы приложить все усилия, и жить без сожалений!

Ван Чун сказал эти восемь слов, как будто они ничего не весили.

Ян Вэньчжан был ошеломлен, его брови слегка сморщились, в его глазах появилось задумчивое выражение. Простые слова Ван Чуна заставили толпу задуматься, и даже Дэн Чан и другие цензоры выглядели задумчивыми.

Ван Чун больше ничего не сказал. Только он знал о своих устремлениях, и ни ослепительные записи в учебниках истории, ни высокие официальные должности не были тем, чего он желал. Он прекрасно знал, с какой опасностью столкнется мир. Как человек, который был заново рожден, все, что нужно было Ван Чуну - это сделать все возможное и никогда не сдаваться.

Так было всегда, будь то война в Наньчжао или битва при Таласе.

Ван Чун понятия не имел, каким будет конечный результат. Он знал только, что до последнего момента он никогда не сдастся, и он никогда не оставит после себя никаких сожалений.

<http://tl.rulate.ru/book/3937/939863>